

— Ты почему не спрашиваешь кто?

Привычным движением Даша зашвырнула сумку на столик у зеркала и туда же сунула торт в подмокшей с угла коробке. Небрежно бросила на вешалку выдавший виды плащик, потянулась поцеловать подругу и оторопела. Лицо у Ольги было опухшее, мягкое, глаза заплаыли, как будто она плакала три дня без перерыва. Настойчиво прозвучавшее по телефону слово «немедленно» Даша списала на очередной Ольгин приступ хандры. Ничего, сейчас они устроят девичник, посплетничают, выпьют чаю...

— Оль, ты чего? Опять с тобой меланхолия сделалась? Оль, с тобой все в порядке? — сыпала вопросами Дашка. — Что случилось? С мамой что-нибудь?..

— Я тебя уже три часа жду! — Ольга сорвалась на крик.

— Или ты скажешь наконец, что случилось, или я сейчас уйду...

— Уходи! Уходи! И ты! Все уходите! — Ольга распахнула входную дверь: — Ну! Чего стоишь?

Из подъезда тянуло холодом, свежим ремонтом, немного мусоропроводом и сигаретным дымом. Даша молча хлопнула дверь. Потом затащила Ольгу в ванную и стала ее умывать. Ольга пыталась вырваться, но вдруг успокоилась и сказала своим всегдашним негромким голосом:

— Пусти... Ну, все уже... Не надо, Даш, я сама...

В кухне было полно грязной посуды, и, судя по всему, стояла она так довольно давно. Дашка брезгливо выудила две чашки почище и наскоро сполоснула их. Засохшие колбасу и сыр, щедро посыпанные сигаретным пеплом, спроварила в мусорное ведро. Смахнула крошки, принесла торт и водрузила его на середину стола. Заодно включила вытяжку, по дороге хлопнув распахнутой дверцей шкафа. Далеко

не миниатюрная Даша двигалась по захлавленной кухне ловко, даже грациозно. От ее скупых перемещений сразу же возникло некое подобие порядка. Распахнув форточку, она выпустила острую, как свежезаточенный нож, струю холодного декабрьского воздуха. Чайник, закипая, отрывисто свистнул, потом фыркнул и плюнул свистком на пол.

— У вас что, у всех сегодня не слава богу? — поинтересовалась Даша. В заварнике болталась какая-то жидкость, но Дашка сморщила нос и понесла заварку в туалет. Вернувшись, она увидела, что Ольга стоит у темного окна, прижавшись лицом к стеклу.

— Оля, ты все-таки скажешь мне, что случилось? Ты с Андреем поссорилась, что ли? — Даша потянула подругу за плечо. — Оля, ну повернись! Ну скажи мне хоть что-нибудь!

— Я не ссорилась с Андреем. Он просто от меня ушел.

— Как ушел? — Вид у Дашки был ошеломленный. — Оля, что ты придумываешь! Вы... — Дашка совершенно растерялась. — Вы ж и не ругались никогда!

— Мы и позавчера не ругались. Поужинали, чаю попили. Я все так хорошо приготовила... — Ольга тяжело сглотнула. — У него вид был какой-то... странный. Я решила, что на работе не ладится, не стала лезть, ушла телевизор смотреть. Потом выхожу — а он стоит с сумками... смотрит так... как на пустое место, и говорит: «Оля, я ухожу». Я сначала не поняла, спросила: «Куда? По делам?» Как дура стояла и смотрела. — Она заплакала, и слезы заструились по ее распухшим, в красных пятнах щекам. — Он ушел от меня! Понимаешь? Ушел! Ушел к другой женщине! Потому что я, идиотка, сидела дома — подай, приготовь! Жена должна быть уютной клушей, в халате, в тапочках и в кухне! Он всегда говорил, что хочет, чтобы я каждый день ждала его дома. Фиг! Дашка! Жена должна быть красивой стервой, на каблуках и на работе! А я! Во что я превратилась? Какие у меня интересы? Салатики, отбивнущечки... Дерь-

мо собачье! Я уже забыла, что мы в институте учили. Да что там! Я таблицу умножения не помню! Короче, мужа теперь у меня нет, — она махнула рукой, — а у кого-то есть! — И вдруг рассмеялась пьяным истерическим смехом.

— Ты что, пила все это время?

— Да какая разница — пила, не пила! Ты что, не понимаешь? Андрей от меня ушел! Ушел, понимаешь? Забрал свои вещи и ушел!

— Так, хорошо. Про Андрея я уже поняла. Давай теперь с тобой разбираться. Ты ела сегодня что-нибудь?

— Я не хочу есть. Лучше выпьем за мою бывшую семейную жизнь...

— Дай сюда! — Даша легко отобрала у подруги бутылку и швырнула ее в мусорное ведро. — Я сейчас тебя накормлю, а потом мы чай пить будем. Поняла?

— Дашка, ты совсем ту-у-у-пая, что ли? — пьяно протянула Ольга. — Не буду я ничего есть, не хочу я никакого чая! Я тоже сейчас уйду отсюда к чертовой матери, уеду куда глаза глядят!

Она выскочила в коридор и стала сдирать с рогатой вешалки шубу. Вешалка с треском рухнула, чудом никого не зацепив. Дашка подняла ее, выдернула у подруги шубу, повесила ее назад, на полированную шишечку, и молча потащила подругу обратно в кухню. Усадив Ольгу на диванчик, она открыла холодильник, достала сыр, колбасу, масло — то, в чем калорий было по максимуму, и выставила все на стол. Чайник свистел уже по второму кругу. Она щедрой рукой сыпанула в заварник чая. Ольга равнодушно наблюдала за всеми ее манипуляциями.

— Сейчас бутербродов сделаю, поедим и будем думать, что делать дальше.

В хлебнице сиротливо обрелся сухарь, бывший когда-то половинкой французского багета. Его уже невозможно было нарезать даже на ломтики для тостов. Дашка беспомощно

оглянулась. Спуститься в магазин? Но как оставить подругу одну?.. Магазин рядом, в соседнем дворе. Однако Ольге что угодно может в голову взбрести. Все-таки восьмой этаж... Дашка, пожившись, сказала:

— Оля, я выйду на пять минут.

— Куда?

— Куплю хлеба и сейчас же обратно.

— Не оставляй меня одну, Даш. — Губы у Ольги дрожали. — Черт с ним, с хлебом. Я не голодная. Если хочешь, давай торт съедим, только не уходи. Я больше не могу одна, понимаешь? Понимаешь? Я! Больше! Не! Могу! Одна!!! — Она кричала так, что звякали хрустальные рюмки на полке. — Он! От! Меня! Ушел! Я три дня жду, не выхожу никуда. Сажу под дверь, как собака. — Она закрыла глаза и стала мерно стучать затылком в стену.

— Оля! Оля! — Дашка встряхнула подругу, и ей это удалось — весу в Дашке всегда было в полтора раза больше. — Оля, возьми себя в руки! Он вернется! Вернется!

— Он не вернется. — Ольга наконец открыла глаза. — Он не вернется, Дашка.

В прихожей резко прозвучал звонок, и Даша метнулась туда: неужели Андрей?

— Я открою! — Она распахнула дверь.

Какая-то женщина лет пятидесяти, в халате, фартуке и домашних шлепанцах стояла на пороге. В руках у нее была большая эмалированная кружка.

— Извините, я ваша соседка с шестого этажа, — представилась она. — У вас не найдется полкружечки сахара?

— Это соседка! — прокричала Дашка, чувствуя спиной страшное Ольгино молчание. — Вы подождите, пожалуйста, — попросила она женщину. Та переступила через порог и вежливо встала на коврик у двери.

— Оля, у тебя сахар есть? — шепотом спросила она, входя в кухню.

Ольга сидела с закрытыми глазами и никак не реагировала. Дашка наугад распахнула дверцу и в первой же банке увидела сахар. Быстро отсыпав требуемое количество, она заспешила обратно. Женщина все так же терпеливо стояла на коврике.

— Вот. — Дашка протянула ей кружку.

— Спасибо огромное. Вы меня так выручили! Я завтра же верну. Нет сил в такую погоду идти в магазин. Как говорится, и сеет, и веет, и рвет, и метет, и сверху льет... — Голос у нее был мягкий, руки полные, как-то по-особенному чистые, и от халата ее пахло не то ванилью, не то корицей.

— Извините, — обратилась к ней Дашка. А что тут такого? Ведь пришла же эта женщина запросто, по-соседски. — Не нужно возвращать сахар. У вас, случайно, не найдется хлеба? Подруга... приболела, и мне не хотелось бы оставлять ее одну, — добавила она, глядя на полные руки соседки, сжимавшие кружку.

— Конечно! — обрадовалась та. — Хлеба у меня, так сказать, в избытке. Сейчас я вам занесу. А что с подругой? — участливо поинтересовалась она. — Может, я могу чем-нибудь помочь? Я врач.

Ну конечно, детский врач. Вот на кого она была похожа, эта соседка, — на врача из поликлиники их детства. Та была такая же полная и теплая, и пахло от нее тоже почему-то домашними булочками.

— Если можно, что-нибудь успокоительное, — попросила Дашка, понизив голос.

— Валерьяночки?

— Если есть, то что-нибудь более... серьезное. Она три дня уже плачет. И не ела ничего...

— Извините, у вашей подруги что-то случилось? Кто-то умер?

— Она с мужем поругалась. Он ушел. Она переживает очень.